

Лада ПРОКОПОВИЧ

НОЧНОЕ ПРИЗНАНИЕ

ОТРЫВОК ИЗ РОМАНА «ОДЕССКИЙ СУВЕНИР»

Однажды ночью Фемиды, составляющая компанию другим античным богам, все еще поддерживающим пьедестал памятника герцогу Ришелье, не имея, видимо, других тем для разговора, заявила:

— Меня всегда волновал вопрос — чего ради скульптор Мартос вырядил нашего Ришелье, герцога, генерал-губернатора, в римскую тогу?

— А чё, клёвый прикид, — сказала на это Церера, рискнув попробовать на вкус современный молодежный сленг. — Дядька типа из бани вышел.

— Церера, ты чего?! — опешила Фемиды.

— Проехали, — махнула рукой Церера. — Я только хотела сказать, что облачение герцога, конечно, вызывает некоторые сомнения, но мне, например, непонятно другое. А именно — почему все туристы лапают твою грудь? До блеска затерли...

— А тебе завидно, да? — усмехнулась Фемиды.

— Было б чему завидовать!

— Было б чего лапать!

— Ой, кто бы говорил!

— Девочки, девочки, не ссорьтесь! — вмешался Меркурий.

— Отвали! — хором рявкнули на него боги.

Меркурий вжал голову в плечи и надвинул на глаза шлем.

— Ты, подруга, ври, ври, да не завирайся, — сказала Церера, — моя грудь ничуть не меньше твоей. Просто ее драпировка скрывает. Дело же не в этом.

— А в чем же?

— А в том, что непонятно, почему у тебя, богини правосудия, именно грудь посчитали чудодейственными мощами... ой, прости, талисманом, к которому надо приложиться на удачу. Где логика? Вот у Меркурия — понятно: все прикасаются к лежащим у его ног монетам, чтобы привлечь к себе богатство, коммерческий успех и тому подобное. Люди верят в силу таких ритуалов и... не знаю, как для них, а для нас от их суеверности реальная польза: с тех пор как зародилась эта традиция, и туристы до блеска отполировали своими руками монеты Меркурия, он стал смотреться гораздо эффектней.

— Так и я теперь смотрящая неплохо! — воскликнула Фемиды, тряхнув своей сияющей грудью.

— С этим никто не спорит, — сквозь зубы процедила Церера. — Но ведь туристы это делают не ради того, чтобы ты тут сияла своими прелестями.

— А ради чего?

— Вот и я спрашиваю — ради чего? Если от бога торговли они ждут богатства, то от богини правосудия должны ждать... ну, не знаю... справедливости, защиты от воров, мошенников... Но тогда следовало бы прикасаться к весам правосудия, к карающему мечу... Кстати, где он у тебя?

Фемиды огляделась, потопталась, перетряхнула складки своей одежды... Где же меч-то?..

— Все понятно, — проговорил Меркурий, осторожно выглядывая из-под шлема. — Не видя у нашей Фемиды меча, а замечая только весы и эту дефективную курицу... Или это страус?

— Это не курица и не страус, — ответила Фемиды. — Это Дельфийский оракул.

— Ты серьезно?! — обалдел Меркурий.

— Ну... — замаялась Фемиды, искоса поглядывая на свою пернатую спутницу, — я всегда так думала... а то чего бы ей тут делать?

— Понятно, — проговорил Меркурий, почесывая лоб волшебным жезлом. — Так вот, видя только весы и эту рахитичную курицу, туристы принимают Фемиду за торговку с Привоза.

— А сиськи-то зачем щупать?! — не унималась Церера.

— А кто их знает, — растерялся Меркурий. — Может, как символ равновесия... чтоб их не обвешивали... или чтобы продукты просроченные не подсушили... молоко прокисшее... или чтобы вместо отечественной курочки им не подсунили стероидные "ножки Буша".

— Ну и щупали бы себе Фемиды-ну курицу! — резонно заметила Церера. — Сиськи ее тут при чем?

Понимая, что Церера с этой темой уже не сбить, Меркурий пошел напролом:

— А может, ее грудь им тоже кажется ненатуральной?

— Ну, знаете!!! — взорвалась Фемиды.

И так топнула ногой, что страус, маячивший на заднем плане, со страху попытался спрятать голову в песок, но наткнулся на художественную бронзу и упал без сознания. — Всякого idiotизма я повидала на своем веку, — продолжала бушевать Фемиды, — но такой чуши еще не слыхала! Ты, Меркурий...

Меркурий понял, что в своих домислах он зашел слишком далеко. Теперь от разгневанной Фемиды можно ожидать такого...

— Фемидочка, дорогая, — взмолился Меркурий, — я вовсе не хотел тебя обидеть! Просто для idiotических явлений сами собой напрашиваются idiotические объяснения. И вообще, знаете, девочки, у меня такое подозрение, что ни одесситы, ни гости города на самом деле и не знают, зачем все это у нас щупают. Не далее как сегодня утром я услышал разговор двух приезжих. Один говорит: "Слушай, тут, кажется, к чему-то надо прикасаться на счастье. Но я не знаю, к чему". А другой ему отвечает: "Будем трогать то, что трогают все. Что блестит, то и трогай". По-моему, под этим предлогом они и Фемиду...

— О, да! — томно протянула Фемиды. — Это было нечто!.. Ведь обычно меня щупают девушки. Почему-то. А тут два симпатичных парня...

— С ума сойти, — закатила глаза Церера. — Уже которое столетие стою я тут с рогом изобилия в руках, и никто к нему даже не прикасается! Казалось бы, тут вам и богатство, и достаток, и обеспеченная старость, и фрукты, и овощи... и никто не обвесит...

— Знаешь, Церера, — задумчиво молвила Фемиды, — кажется, Меркурий прав. Не только меня, но и тебя люди принимают неизвестно за кого. Никто не знает, что ты — богиня плодородия, а в руках у тебя — рог изобилия. Народ нынче пошел темный, мифологию не знает.

— Точно, — поддержал Фемиду Меркурий, — сейчас в обществе актуальны только деньги и сиськи. А колоски, которые у тебя под ногами валяются, да весы справедливости, которые Фемиды так элегантно держит, — кому они нужны? Под наши старые атрибуты люди придумывают новые мифы. Вводят новые обычаи.

— Да, но почему это задевает только нас?! — возмутилась Фемиды. — Почему герцога никто не трогает?

— А чего у него трогать? У него ни сисек нет, ни денег, — усмехнулся Меркурий.

— Зато у него есть лавровый венок, — заметила Церера. — Все, кто тщится славы, могли бы прикасаться к этому символу.

— Да кто ж до него дотянется? — спросил Меркурий. — У него если к чему-то и можно прикоснуться, то только к сандалиям или к подошлу тоги.

— Кстати, опять же насчет его тоги, — вспомнила Фемиды. — С какой такой радости Мартос так его вырядил? Нет, ну в самом деле, зачем ему напялили этот лавровый венок? У него что, других, настоящих наград не было? К чему все эти аллегории?

— Это не аллегория, — раздался вдруг чей-то незнакомый голос. Боги вздрогнули.

Стали осматриваться по сторонам, но не заметили никого, кроме старого облезлого пса, спящего под каштаном. Понятно, что замечание об аллегориях исходило не от него. Тогда от кого же?..

Неужели от самого герцога?! Боги обомлели. За столько лет они впервые услышали его голос. Он ни разу не принимал участия в их ночных беседах, предпочитая гордое молчание.

— Это не аллегория, — повторил герцог. — Это комбинация. Или, как сейчас говорят, компиляция.

— Не понял, — отлепил голову от своего барельефа Меркурий. — Вы, наверное, хотели сказать "композиция"? Или...

— Нет, я сказал именно то, что хотел сказать. Компиляция. Вы, друзья мои, глубоко заблуждаетесь, если считаете, что дух предприимчивости присущ только одесситам. Поверьте, в Санкт-Петербурге тоже имелись головы.

Герцог скривился в страдальческой улыбке, откашлялся. Сырость, постоянно идущая от моря, его просто доканывала. Но сейчас он ощущал непреодолимую потребность выговориться.

— Да, кх-кх, головы. И Мартос был голова. Когда его попросили сделать мне памятник, он сначала отказался. Не потому, что не хотел или не уважал память обо мне, а просто ему было некогда. Он был завален работой: в академии, в мастерской, много заказов, ученых заседаний... Но когда ему назвали сумму, которую готовы были уплатить наличными, он моментально вспомнил, что недавно проводил мастер-класс, где изваял какого-то римского императора. Ему пришла в голову мысль, что можно внести кое-какие изменения в черты лица, и всё — одесский заказ готов. А чтобы усилить образ, решил добавить изображения античных богов. С этим его ученики управились за неполный месяц.

Герцог снова закашлялся. Боги же не издали ни звука. Они находились в таком смятении, что не находили слов.

— И это еще не самый худший вариант, — криво усмехнулся герцог.

— Куда уж хуже!.. То есть хуже, — обронил Меркурий, плохо управляясь со словами.

— Это как посмотреть, — скосил на него слегка прищуренные глаза

герцог. — У Мартоса в мастерской стояла еще одна скульптура в том же стиле. Изображала она... кхе-кхе... греческую гетеру. И я до последнего момента опасался, что Мартос как-нибудь в спешке переуплатит изваяния. Ведь одета гетера была почти так же, как и римский герой: та же тога, те же сандалии, венок на голове... Разница заключалась только в том, что у гетеры венок был не из лавровых листьев, а из одуванчиков. Мне бы очень не хотелось предстать в таком виде перед одесситами...

— Понятное дело, — поддержал его Меркурий.

— ...но с другой стороны, я бы многое отдал за то, чтобы узнать, как в этом случае выкрутился бы скульптор. Какой мотивацией он оправдал бы столь романтический образ... кхе-кхе... генерал-губернатора?

— Не думаю, что он стал бы себя утруждать какими бы то ни было оправданиями, — предположила Церера. — За него это сделали бы сами одесситы.

— Да ну?

— Ну да. Если они с таким энтузиазмом наделяют наши атрибуты и части наших тел своим мифическим содержанием, то что помешало бы им придумать замануху для туристов и про ваш венок из одуванчиков? Пустили бы легенду о том, как герцог Ришелье проигрался в карты, где на кону стояло условие явиться на заседание Государственной Думы в венке из одуванчиков... Или что в него влюбилась некая юная особа. И на одном из ба-

лов в порыве нежных чувств возложила на его голову венок из одуванчиков. А он, дабы не ранить черствостью пылкое юное сердце, пронесил этот венок целый день, пока одуванчики не завяли, а потом...

Что было потом, Церера не договорила, поскольку ей слышались чувственные прерывистые всхлипывания. Она повернула голову в сторону Фемиды. Так и есть: та судорожно всхлипывала, промокая уголки глаз одноразовым носовым платочком.

— Ты чего? — спросила Церера подругу.

— Да так, ничего, — смутилась Фемиды, и чтобы скрыть неловкость, сочно высморкалась.

Церере не понадобилось много времени, чтобы догадаться, в чем дело. Кто-кто, а она-то знала, что Фемиды, при всей ответственности возложенных на нее функций, увлеклась чтением не только Уголовного кодекса, но и женских романов. Трудно сказать, с какой целью одесскую Фемиду, в отличие от всех других ее коллег, изваяли без повязки на глазах, но она не преминула этим воспользоваться, и каждую свободную минутку посвящает чтению романов: сентиментальных, слезливых, с далекими от реалий жизни перипетиями, но с обязательным хэппи-эндом. Как же не расстроиться от истории с венком из одуванчиков? Это ж вам не пошлое лапание груди, не меркантильное натирание монет. Чистая, возвышенная сказка...

— Да мало ли какие еще легенды могло бы породить буйное воображение одесситов, — закончила Церера, и приняв близко к сердцу собственную выдумку, тоже потянулась за носовым платком.

— Бред какой-то, — молвил Меркурий, с изумлением взирая на расхляпавшихся женщин. — Извините, герцог, но, по-моему, вы нас разыгрываете.

— Разумеется, — ответил герцог. — Сегодня ж 1 Апреля!

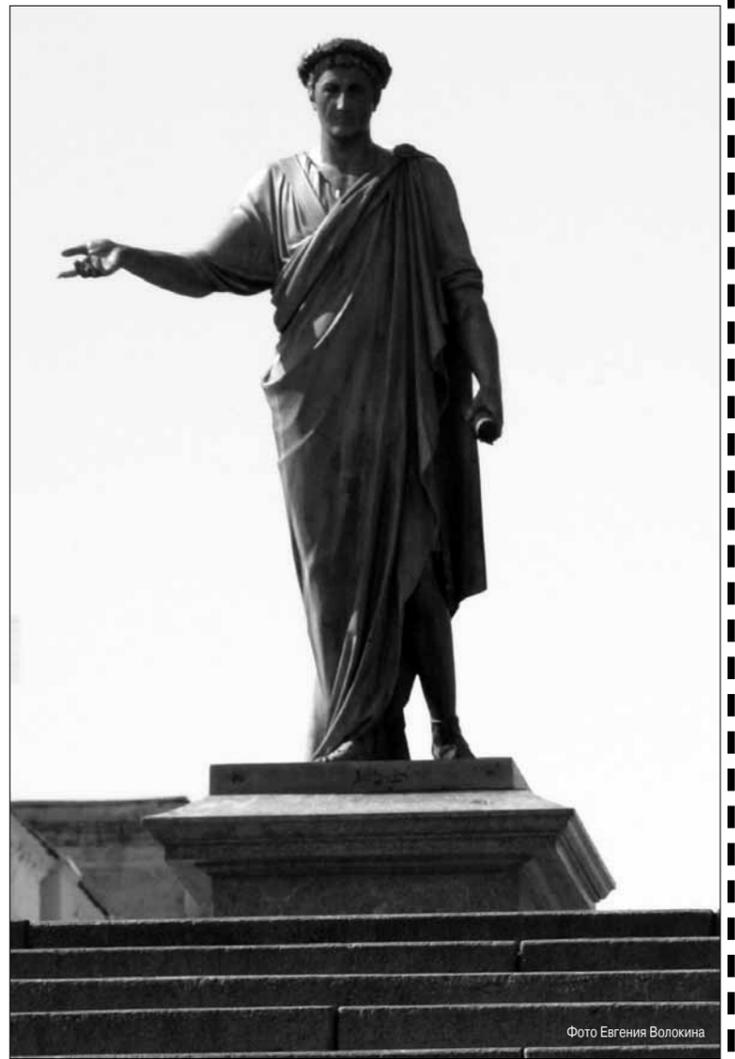

Фото Евгения Волокина

ПОЗДРАВЛЯЕМ!

Исполнилось 70 лет вице-президенту Всемирного клуба одесситов Валерию Исааковичу Хаиту.

Редакция газеты "Всемирные одесские новости" поздравляет нашего коллегу и желает ему новых книг стихов и прозы,

новых номеров журнала "Фонтан", новых инициатив во имя процветания Одессы и Всемирного клуба одесситов.

Редактор Евгений ГОЛУБОВСКИЙ.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Ответственность за точность сообщаемых фактов несут авторы. Взгляды редакции не всегда совпадают с точкой зрения авторов.

Дизайн и компьютерная верстка: компьютерный центр ТИА "Вікна-Одеса" (тел. 372-572).

Регистрационное свидетельство N 508. Тираж 1000. Заказ N 88. Газета отпечатана в ИПП "Печатный дом".

Адрес редакции: 65014, Одесса, ул. Маразлиевская, 7. Тел. 725-45-67, 725-53-68. www.odessitclub.org.